

ТРИ ПЕЧАТИ ФРАНЦУЗСКОГО КОРОЛЯ. ИСТОРИЯ НЕСЛУЧИВШЕГОСЯ¹

*Вымысел не есть обман,
Замысел еще не точка...*

Во французском сборнике королевских постановлений, изданном в 1556 г., среди прочего есть любопытное распоряжение, регламентирующее церемонию «торжественного въезда» (*entrée solennelle*) короля в города, в которых находились Парламенты. Постановлением за номером ССХХІІІ предписывался следующий порядок процессии. Три иноходца разных мастей везут три королевские печати, призванные демонстрировать тройной суверенитет монарха. Открывает процессию Большая королевская печать канцелярии, ведающей всеми светскими делами (*chose temporelle*). Ее сопровождает канцлер, три хранителя печати и заседатели («великие коллатералы») Частного королевского совета. Впрочем, оговаривалось, что принцы крови, также являющиеся членами этого Совета, будут шествовать позже, составляя окружение короля.

Следом следует Квазипонтификальная печать другой канцелярии, которая учреждалась особым постановлением, приведенном в том же сборнике (эта канцелярия призвана была осуществлять управление Галликанской церковью — «квазипапское суперинтендантство»). Печать окружают служители этой канцелярии: архиканцлер, вице-канцлер и все прелаты, входящие в Частный церковный совет под председательством великого омонье².

И, наконец, третья — Диктаторская печать, «которую король использует для правосудия, вершимого им лично, на правах доменального

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г. — The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2019.

² Grande aumônier du Roy — раздатчик королевской милостыни; исполнявший эту должность придворный обрел при Франциске I и особенно при Генрихе II очень большое влияние, он был главным связующим звеном в политике короля в отношении Галликанской церкви.

владения³, превосходящая и величием, и властью две другие печати, соединенные вместе подобно тому, как Божественные персоны объединены Святым духом». Таким образом, тройственная власть короля «консолидируется в одной единой персоне без смешения, по примеру святейшего и славнейшего божественного единства, божественного в троичности и троичного во едином». Диктаторскую печать, символизирующую единство имперской и понтификальной власти, должны сопровождать диктатор (хранитель печати) и секретарь. Эта пара служащих наиболее близка к королю, и «королевская персона следует сразу после указанной Диктаторской печати в сопровождении всех принцев крови и знатных сеньоров» ...

Для всех тех, кто как Ольга Владимировна Дмитриева изучает политическую культуру, это постановление — настоящий клад. В последующих его строках можно найти обоснование и прав французского короля на императорскую власть, унаследованную от Восточной Римской империи, и прав на патронат над Галликанской церковью, осуществляемый в том числе и для защиты интересов папы. Не следует забывать, что король въезжает в свои «судебные столицы», в которых располагаются Парламенты — вершины всей системы ординарного правосудия. Король «возвращает их себе», но вместе с тем предъявляет атрибуты правосудия экстраординарного, проистекающего непосредственно от личности короля, точнее от разных ипостасей этой личности: главы правосудия, главного попечителя о делах церковных и, наконец, сеньора, хозяина всего королевства. Все вместе и составляет государство, поскольку королевская власть и есть воплощенное правосудие. Достаточно вспомнить «организму» ветвей власти во Франции — чертеж «Древа правосудия», выполненный Шарлем Фигоном в 1579 г.⁴

Словом, здесь есть чем поживиться исследователям «политической теологии», потестарной имагологии и всем тем, кого интересуют образы власти. Есть лишь одно «но». Все это — вымысел: и процессии, и инходцы, и печати — Квазипонтификальная с Диктаторской, равно как и само постановление номер ССХХIII. Весь сборник, включавший в себя 306 королевских постановлений, был плодом кипучей деятельности адвоката Парижского Парламента Рауля Спифама.

³ Exploict domanier — букв. «домениальное деяние». Термин имеет много значений. В некоторых кутюмах он указывает на право сеньора конфисковать фьеф в случае невыполнения вассалом своих обязательств.

⁴ Discours des estats et offices, tant du gouvernement que de la justice et des finances de France, contenant une briefve description de l'auctorité, jurisdiction et cognoissance et de la charge particulière d'un chacun d'iceux, par Charles de Figon, conseiller du Roy et maistre ordinaire en la Chambre des Comptes seant à Montpeiller. P.: Chez Guillaume Aufray, 1579. См.: Алтухова Н. И. Продажа должностей во Франции в свете «Инвентаря квитанций на должности» 1578 г. // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2008. Вып. 69 (2). С. 59—76.

Мне уже часто приходилось писать о нем и о его не менее удивительном произведении. Оно было опубликовано автором на свой страх и риск, однако последовавшие неприятности были связаны не столько с данным сочинением, сколько с семейным конфликтом, в котором оказались замешаны влиятельные лица⁵. Несмотря на скандал и предписание Парламента конфисковать и уничтожить весь тираж книги, до наших дней дошло не менее десятка экземпляров. Но рукопись второго тома, в который должно было войти еще около двух сотен постановлений, действительно, была уничтожена.

Книга, чье заглавие указывает на знакомство автора с древними языками — «*Dicaearchiae Henrici regis christianissimi progymnsmata*» (Упражнения Христианнейшего короля Генриха в законном правлении), и содержащая 306 вымышленных постановлений, не была анонимной: во вступлении она уподоблена статуе короля, воздвигнутой «Раулем Спифамом, галльским поэтом, автором сего сочинения»⁶. Однако некоторые составители сборников королевских законов относились к «Дикэархии», как к вполне аутентичному собранию королевских указов⁷. Кто-то же полагал, что Спифам — вслед за Себастьяном Брандтом, Эразмом, Томасом Мором и Франсуа Рабле — сознательно избрал маску «мудрой глупости», чтобы высказать очень смелые мысли⁸. Кто-то квалифицировал сочинение Спифама как творение «частного лица, никак не уполномоченного на то королем»⁹, содержавшее экстравагантные законодательные акты, но «поскольку даже безумец иногда поучает мудреца», то многие предложения «Дикэарахии» впоследствии признавались ценными и оказывались реализованными. Экономист Жан Офрэ, соглашаясь с некоторой странностью отдельных указов «Дикэархии», озаглавил ее переиздание так: «Взгляды политика XVI века на законодательство своего

⁵ Десимон Р., Мий Э. Уваров П. Ю. Семейные ценности Спифамов (разрывы и преемственность в парижском линьяже XVI—XVII вв.) // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2011. Вып. 72 (1—2). С. 274—306.

⁶ Radelpho Spifama poeta Gallo praeconii huijus authore — *Spifame R. Dicaearchiae Henrici regis christianissimi progymnsmata*. [Paris], 1556. [Fol. 2]. Далее — *Dicaearchiae* (с указанием номера постановления и страницы-фолио).

⁷ *Saint Marthe A. de. Discour au Roy sur le retablissement de la bibliothèque Royale de Fontainebleu*. [S. l.], 1668. P. VII; *Brillon J. P. Dictionnaire des arrests ou jurisprudence universelle de Parlements de France, et autres Tribunaux*. P., 1727. T. 3. P. 926; *Bouhier J. Les coutumes du duché de Bourgogne*. Dijon, 1742—1746. 2 Vols.

⁸ *Catherinot N. Le Prest gratuit*. Bourges, 1679.

⁹ *Secousse D.-F. Notice d'une livre singulier et rare intitulé Dicaearchiae* // Histoire de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres avec les mémoires de littérature tirés des registres de cette Académie, depuis l'année M. DCCXLIX, jusques & compris l'année M. DCCLI. P., 1756. T. 23. P. 271—277.

времени, в равной мере подходящие для реформирования оно́го в наши дни»¹⁰. О пророчествах «Дикэархии» немало писали и в XIX веке¹¹ в таком стиле: «Рауль Спифам опубликовал в 1556 г. книгу, содержащую смелые проекты реформ, которые почти все были осуществлены в последующие годы»¹². Век спустя труд Спифама продолжали считать хоть и немного странным по форме, но свидетельствующим о знании дела и компетентности автора. Так считают историк-правовед Ив Жанкрос¹³ и исследователь Генри Хеллер¹⁴, высоко оценивающий предложения Спифама по созданию системы светского образования, по унификации мер и весов, банковского дела и по реорганизации сельского хозяйства.

Действительно, в «Дикэархии» есть немало постановлений, относящихся к тяжбам самого Рауля Спифама, но большинство статей посвящено различным аспектам реформирования правосудия, Галликанской церкви, а также украшения города Парижа. В этих вопросах автору иногда удается выступить в роли успешного пророка. Полагаю все же, что Спифам помимо собственных оригинальных идей черпал свое вдохновение из вполне реального законотворчества своего времени. Адвокат имел связи среди государственных секретарей Частного совета — кузницы преобразований эпохи Генриха II. Иногда постановления «Дикэархии» опирались на сведения о готовящихся законах и потому предсказывали то, что будет вскоре издано, или то, что готовилось к публикации, но было отсрочено¹⁵. Впрочем, в «Дикэархии» были и проекты, которым непросто найти аналогии в законодательстве той эпохи.

¹⁰ *Auffray J.* Vues d'un politique du XVIe siècle, sur la legislation de son temps également propres à réformer celle de nos jours, ou Choix des arrests qui composent le Recueil de Raoul Spifame, connu sous le titre de Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata. Amsterdam, 1775.

¹¹ См.: *Fournier E.* Le vieux-neuf: Histoire ancienne des inventions et découvertes modernes. P., 1859. Т. 2. P. 398, note 4; *Nys E.* Raoul Spifame. Avocat au Parlement de Paris // *Revue de droit international et de législation comparée.* 1890. Т. 22. P. 481—519; *Defrance E.* Histoire de l'éclairage des rues de Paris. P., 1904. P. 22; *Mathorez J.* Un radical-socialiste sous Henri II: Raoul Spifame // *Revue politique et parlementaire.* 1914. Т. 89. P. 538—559. Впрочем, видели в Спифаме и сатирика, см.: *Lenient C.* La satire en France, ou la littérature militante au XVIe siècle. P., 1886. Т. 1. P. 284—287.

¹² *Defrance E.* Histoire de l'éclairage des rues. P. 22

¹³ *Jeanclos Y.* Les projets de réforme judiciaire de Raoul Spifame. Genève, 1977.

¹⁴ *Heller H.* Labour, Science and Technology in France, 1500—1620. Cambridge, 1998. P. 69—73.

¹⁵ Первый том «Дикэархии» был отпечатан вовремя Восельского перемирия, которым Генрих II хотел воспользоваться для продолжения реформ. Однако вскоре война возобновилась, ее продолжение было неудачно для Франции. Заключив мир в Като-Камбрези, король вновь заявил о грядущих преобразованиях, но трагическая случайность оборвала его жизнь.

Но вернемся к королевским печатям, скреплявшим акты королевского волеизъявления в области правосудия. Когда-то Людовик Святой судил под дубом в Венсенском лесу (так, во всяком случае, о нем вспоминали в XVI веке). Теперь же отправление правосудия делегировано многочисленным судебным инстанциям, но в любой момент может быть «удержано», взято монархом на свой личный, частный суд. «Удержанное правосудие» (*justice retenue*) вершится королем в его Совете, или, по Спифаму, — в трех разных Советах.

Единственный из описанных королевских Советов, реально существовавший во времена Генриха II, — Частный (или Личный) совет (*Conseil privé*), о котором в «Дикэархия упоминается чаще, чем о двух других Советах вместе взятых. Ему посвящено и специальное постановление номер XX. Спифам именует этот Совет не просто «частным», но еще и «генеральным, всеобщим, неотделимым от двора короля, и следующим за его персоной»¹⁶. В нем королю дают рекомендации и помогают ему вершить суд принцы крови и главные должностные лица (канцлер, коннетабль, адмирал, маршалы Франции). «Но они заняты важными делами — войной, отношениями с иностранными государями, заключением мирных договоров», и чтобы разгрузить их от судебных дел, Спифам предусматривает учреждение 18 должностей «великих коллатералов», которые будут заседать по семестрам¹⁷.

Термин «коллатералы» образован от латинского *collateralis* — «стоящие по бокам, рядом». Как административный термин он был хорошо известен в соседних Нидерландах. Так, в 1531 г. ордонанс императора Карла V регламентировал деятельность трех «коллатеральных советов»: Государственного совета, Частного совета и Совета финансов¹⁸.

Коллатералы должны отбираться из числа опытных судей (например, из президентов палат суверенных курий), королевских послов, губернаторов провинций и их наместников по военным делам. Ежедневно они проводят судебные сессии, на которых принцы крови или вельможи заслушивают доклады этих чиновников, готовят проект судебного решения

¹⁶ «*Conseil privé, général, & universel, inseparable de sa court, & suite de sa personne, que l'on peut appeler oecumenique, pource qu'il est fondé sur la plénitude de sa puissance & totale amplitude d'icelle, dominant par tout son Royaume, terres et pays de son obéissance*» (*Dicaearchiae*. XX. Fol. 30).

¹⁷ Т. е. реально их будет 36 человек, осуществляющих свою службу по шесть месяцев. Семестральный принцип, появившийся в середине XVI века, Спифам воспринял с энтузиазмом, стараясь распространить как можно шире. По его мнению, свободные полгода должностные лица будут либо совершенствоваться в правоведении, либо исполнять поручения короля.

¹⁸ *Baelde M. Les Conseils collatéraux des anciens Pays-Bas (1531—1794) // Revue du Nord. 1968. Vol. 197. P. 203—212.* Не отсюда ли та «троячность во едином», о которой рассуждал Спифам, описывая три печати и три высших королевских совета?

и передают его королю. Частный совет призван исправлять ошибки ординарного правосудия и облегчить доступ подданных к правосудию экстраординарному. В масштабах всей страны Генеральный частный совет справиться с этой задачей не может, и потому тем же постановлением под номером XX в каждом из парламентских городов учреждался Малый частный совет (или Синдикальная палата). Входящие в нее коллатералы должны будут следить за работой органов ординарного правосудия, проводить регулярные меркуриалы в местных Парламентах¹⁹. Малые частные советы возьмут на себя часть дел, которыми перегружен Генеральный совет. В свой свободный семестр «великие коллатералы» будут направляться для руководства Малыми частными советами, а «малые коллатералы» из Синдикальных палат в свою очередь будут ежегодно проходить «стажировку» в Генеральном совете в качестве референдариев.

Постановлением под номером СХС Спифам создает Синдикальные палаты еще в тринадцати городах. В преамбуле этого постановления он помещает выдержку из Больших французских хроник о мятежах 1384 г. в Оверни, Лимузене и Пуату, которые были подавлены герцогом Беррийским²⁰. Апелляция к грозному прошлому поясняет предписание набирать «малых коллатералов» не только из юристов, но и из дворян, опытных в военном деле. Весьма вероятно, если бы Генриху II удалось создать сеть Синдикальных палат, которые стали бы не только судебной, но и военной опорой центральной власти на местах, Франции удалось бы избежать коллапса управления начала 1560-х годов, предшествовавшего Религиозным войнам.

В целом, воображение Спифама опиралось на прецеденты королевских реформ, в особенности — на учреждение королевским эдиктом от 1 января 1552 года новой судебной инстанции: одновременно создавалось 60 президиальных судов, занявших промежуточное место между Парламентами и судами бальяжей. Спифам, видимо, тогда и решил, подражая монарху, увенчать величественное здание правосудия еще одним уровнем. Его «коллатералы» не были плодом чистого вымысла, они походят на рекетмейстеров (*maîtres des requêtes de l'Hotel du roi*) — представителей быстро растущей группы референдариев в канцеляриях и королевских Советах, но часто направляемых в провинции в качестве комиссаров. Спифам, кстати, не забыл о рекетмейстерах, возложив на них контроль за президиальными судами.

Сложнее найти «прототип» для другого административного изобретения Спифама: при Синдикальной палате Парижа его предписанием над-

¹⁹ Меркуриал — дисциплинарная сессия, собираемая в Парламентах с 1539 г. ежемесячно, по средам (*mercredi* — «среда», «день Меркурия»). На них разбирались проступки и нарушения судей.

²⁰ В нашей историографии это получило название «восстания тюшенов».

лежало создать тридцать небольших «провинциальных палат» для выявления королевских прав за пределами страны, для сбора и сохранения сведений о прежних дипломатических контактах и союзах. Каждая из таких палат²¹ (создавались, например, «Палата Шотландии», «Палата Морей и Рагузы», «Палата Сицилии» и др.) должна вести соответствующие разыскания в «Сокровищнице хартий». «Впредь же не должно заключаться никакого соглашения с соседями и иностранными государями, прежде чем оно на протяжении предшествующего года не подверглось бы всестороннему рассмотрению и изысканиям в глубине веков»²².

Вспомним, что в состав «великих коллатералов» помимо юристов и военных Спифам включил и дипломатов. В Частном совете Генриха II внешнеполитическая деятельность распределялась среди государственных секретарей «по направлениям»: Юго-Запад, Север, Восток и Юго-Восток. За последнее направление отвечал Жан Дютье, с которым Спифама связывали личные отношения. В условиях Итальянских войн юго-восточное направление было важнейшим, но и у Спифама почти половина всех палат занимались областями, лежащими к юго-востоку от Франции. В «Дикэархии» постановлением под номером CCVII «король, желая полнее загрузить работой провинциальные палаты», возложил на них задачу собирать исторические свидетельства о правах короля не только во внешних, но и во внутренних провинциях Франции. Впрочем, и в компетенцию Жана Дютье входили дела Лиона, Дофинэ, Прованса²³.

В отношении первой, Большой печати и Частного совета «прожекторство» Спифама опиралось на конкретные начинания Генриха II, лишь утрированные в «Дикэархии». Однако второй печати — Квазипонтификальной и соответствующего ей ведомства в реальности не существовало. Спифам не дает ее описания в отличие от третьей, Диктаторской печати, на аверсе которой изображен король «на троне в имперском и понтификальном величии, как некогда цари Египта и Рима, которые равно были и царями, и жрецами, коронованный короной, соответствующей двум этим разным родам наивысшей власти, демонстрируя сестринское согласие между ними. Справа изображены великий раздатчик милостыни, патриарх, кардиналы и иподьяконы Франции, слева — пэры Франции, канцлер, высшие коронные чины».

В «Дикэархии» содержится много постановлений, призванных исправить злоупотребления в Галликанской церкви: запрет на совмещение бенефициев, запрет епископам покидать свои епархии, ужесточение тре-

21 Каждая палата состояла из рекетмейстера, секретаря и два служителей (*comitis*), исполнявших свои функции на семестральной основе.

22 «*Qui n'ait esté plus d'un an au precedent for ventellée & enfonssee iusques a son plus bas abisme & profudité...*» (*Dicaearchiae*. XX. Fol. 38).

23 Малов В. Н. Документы по истории франко-турецких отношений в коллекции Ламуаньона // Средние века. 1997. Вып. 59. С. 196.

бований к нравственному облику священников, стремление запретить шумные «непотребства» во время церковных праздников и т. д. Меры, предлагаемые Спифамом, не носят лишь запретительный характер. Парижский диоцез станет образцом — здесь будут читать проповеди ученейшие теологи из университета, над поведением духовенства будет установлен неусыпный контроль, все монастыри обратятся в госпитали, специализируясь на определенном заболевании. Эти и многие другие распоряжения хорошо продуманы, оговорены источники финансирования этих преобразований. Во «Введении» один из пунктов, анонсирующих содержание книги озаглавлен так: «Счастливое состояние божественной службы и семя Божественного слова в Парижской церкви, святейшее и полезнейшее для спасения народа и всех жителей королевства и в высшей степени примерное для всех остальных кафедральных церквей; в особенности после возведения оной Парижской церкви в ранг Патриаршей церкви, превосходящей Архиепископскую и Примасскую»²⁴. Спифам вновь выступает в роли провидца — Парижская кафедра станет архиепископской (но лишь в 1622 году).

Автор выстраивает иерархию, параллельную церковной, и призванную реализовать «суперинтендантство» короля над Галликанской церковью, осуществляемое королем через своего раздатчика милостыни. Предложенную Спифамом систему можно представить следующим образом:

КОРОЛЬ

<i>Галликанская церковь</i>	<i>Королевское суперинтендантство Галликанской церкви</i>
Примас = патриарх (архиепископ Парижский)	Секулярный патриарх
Архиепископы	Архипродромы
Епископы	Продромы
Архидиаконы	Проспекторы
Кюре	Норматоры

Церковная юстиция сохраняется, но ее осуществляют люди короля. Вместо инквизитора католической веры учреждается *эксплоратор еретиков*, которому предстоит разбирать дела вместе с коллегией докторов теологии, но они будут выступать не как судьи, а как эксперты. Более того, создается своя, галликанская коллегия из 24 кардиналов. Обладание

²⁴ «L'heureux estat de l'office diuin, & semence de la parolle de Dieu, en église de Paris, tressaincte & tresnecessaire au salut du peuple & regnicolles, & grandement exemplaire à toutes autres Eglises cathedrales: mesmement après l'érection d'icelle Eglise de Paris, en Eglise Patriarchale plus qu'Archiepiscopale & Primatiale» (Di-caearchiae. Fol. 1v—2).

такими рычагами влияния на церковь наделяло короля правом принимать решения, выходящие за рамки административного управления церковью, что делало власть папы чисто номинальной. Спифам, впрочем, оговаривает наличие договоров с новым папой римским — Павлом IV (1555—1559), который якобы поддержал королевские начинания²⁵.

Что могло вдохновить Спифама на реформы в этой области? К началу 1550-х годов отношения короля с занимавшим тогда Римскую кафедру папой Юлием III (1550—1555) ухудшились²⁶. Некоторые придворные — коннетабль Монморанси, канцлер Оливье и государственный секретарь Л'Обепин — советовали последовать примеру английского короля Генриха VIII. 18 февраля 1551 г. Генрих II каждому из французских епископов адресовал письмо, где речь шла об «огромных ошибках, злоупотреблениях и скандалах, которые кишат сегодня в королевстве, и вера гибнет на глазах». Король предписывал епископам вернуться в свои диоцезы, обследовать там состояние дел, а через 6 месяцев дать отчет для подготовки собора, который «король решил созвать для блага Галликанской церкви и сохранения нашей религии в ее целостности». Это известие обеспокоило папу Юлия III, усмотревшего в нем возможность того, что Галликанская церковь двинется по пути Англиканской. Страсти накалялись. По заданию коннетабля Монморанси адвокат Шарль Дюмулен пишет трактат, в котором папа обвиняется в узурпации прав и вольностей Галликанской церкви. Угроза французского «акта о супрематии» возымела действие. Папа пошел на важные уступки в Италии, и острая политическая необходимость в «галликанском соборе» отпала. Однако многие продолжали размышлять в уже заданном направлении. Дюмулен бежал к протестантам, некоторые члены Парламентов пришли к кальвинизму именно в силу своих галликанских симпатий. Спифам же остался в лоне католицизма, но, как и внезапное создание сети президиальных судов, инициатива Генриха II произвела на него столь глубокое впечатление, что он решил продолжить начатые королем преобразования. В воображении Спифама два столь масштабных мероприятия, начатые в одно и то же время, были неразрывно связаны.

Соединение обеих сторон королевского величия демонстрирует Диктаторская печать. В преамбуле посвященного этой печати постановления под номером XIX содержатся рассуждения о формах правления по Аристотелю, но акцент делается на факторе времени. Поскольку распоря-

²⁵ «Les requestes fait à nostre saint pere le pape depuis les trefues faictes, par iceluy accordees pour le grand bien, & honneur de la Republique de France» (*Dicaearchiae*. Fol. 1v).

²⁶ См.: *Romier L.* La crise gallicane de 1551 // *Revue Historique*. 1911. Т. 108. P. 225—250, 1912. Т. 109. P. 27—55; *Venard M.* Une réforme gallicane & le projet de concile national de 1551 // *Revue d'histoire de l'Église de France*. 1981. Т. 179. P. 201—225.

жения короля выполняются с большим промедлением, «монархия, этот наилучший вид государства, вырождается в иной вид... весьма плачевный для народа». И аристократия, и демократия, представленные Парламентами и Генеральными Штатами, «непреренно демонстрируют свою изначальную природу, состоящую в том, чтобы сопротивляться королевскому величию, лишая его выгоды и пользы, заключенной в быстроте решений и скором их исполнении»²⁷. Теперь же постановления, провозглашаемые королем в личной консистории и скрепленные его особой печатью, будут вступать в силу с момента опубликования, не дожидаясь регистрации в Парламентах. «Печать эта будет называться Имперской и Диктаторской. Исполнение писем, скрепленных этой печатью, будет зависеть лишь от воли короля, и никто не сможет противоречить или противостоять ей, заявляя протесты или подавая апелляции». Проволочка или нерадивость расценивается как оскорбление королевского величества. Действия тех, кто станет оказывать этим обвиняемым помощь, будут считаться преступным неуважением к государю, неподчинение коему «является той прохладностью, которая часто хуже холодности»²⁸.

Поскольку король только лично отправляет правосудие в своей консистории, выражая тем самым наивысший суверенитет, то ее штат состоит лишь из трех служащих: диктатора, т. е. хранителя диктаторской печати, секретаря, ведущего регистр королевских распоряжений, скрепленных этой печатью, и типографа.

Спифам указывает на главное отличие Диктаторской печати. Новая печать в качестве живого знака короля (*sigille vif*) превосходит старую, «являющуюся его живым образом, когда она находится в руках его канцлера». Автор продолжает оппозицию: «живой знак есть акт королевского присутствия, придающий жизнь и действие запечатанному документу, так же как пламя является реальным и актуальным проявлением действия огня». Старая печать ценна «лишь как образ и является в некотором роде несовершенной вещью, нуждающейся в каком-либо слуге, чтобы дать ход делам, но она в некотором роде спит и может оказаться бездейственной в силу охлаждения благого начинания, которому помешали и которое стало трудно завершить»²⁹.

²⁷ Dicaearchiae. XIX. Fol. 26v.

²⁸ «...и достойно изгнания и конфискации тела и имущества, лишения гражданской жизни, также как и в жизни природной прохладность приводит к рвоте» («...qui est une tepidité souvent pire que la froifeur & digne de banissement, & confiscation de corps & biens, & privation de vie ciuile, ainsi qu'en la vie naturelle la tepidité provoque le vomissement» — Dicaearchiae. XIX. Fol. 28). Это очевидная отсылка к Откровению Иоанна Богослова: «Но, как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3: 15—16). См. на старославянском: «имамъ тѣ изблѣвати изъ устъ моихъ».

²⁹ «qu'il y a de difference entre le sigille vif qui est l'acte present de la vie force & puissance de la chose sigillee ainsi que la flambee est le cours reel & actuel de la vertu &

Возможно, это отсылка к схоластической традиции, и тогда новая печать является «актом», а старая — «потенцией». Или же Диктаторская печать является реальностью, а Большая королевская печать — образом, копией этой реальности, уступающей оригиналу, что отсылает нас к аристотелевскому определению искусства как копии природы. Политическая теология Спифама еще ждет своего Канторовича.

Большая королевская печать, как образ королевской власти, обретает силу, когда канцлер или хранитель печати скрепляют ею документ, подписанный королем. Но затем нужно, чтобы люди короля в Парламентах или иных суверенных куриях обеспечили регистрации этого документа, что порой было очень непросто. Эту систему Спифам и пытается сломать, учреждая Диктаторскую печать: она гарантирует незамедлительное претворение в жизнь королевской воли, исключает любое сопротивление. Но такая решительность противоречила практике французского абсолютизма. «Он возжелал того, чего наши короли никогда не желали», — с удивлением отмечал Жан Офрэ, восторженно относившийся к прочим нововведениям Спифама³⁰. Прочие почитатели Спифама тоже не оценили это важное постановление. Причина, вероятно, в том, что в «Дикэархии» названо имя Диктатора — им был сам Рауль Спифам³¹. Исследователи сразу же подозревали, что это постановление является либо шуткой, либо показателем болезни.

Оставим вопрос об амбициях автора. Так ли далек был Генрих II, затеявший перестройку всего королевства, от мысли о беспрекословном подчинении своей воле в случае жизненной необходимости? Случайность, повлекшая гибель короля, помешала Генриху II — в отличие от Франциска I, Карла IX и Генриха III — оставить после себя «большой ордонанс правосудия». Историки долго отказывали его законотворчеству в согласованности, видя в нем лишь поиски фискальной выгоды. Но тогда Спифаму действительно удалось неплохо послужить королю своим трактатом, проясняя для нас в политике Генриха II нечто очень важное.

П. Ю. Уваров (ИВИ РАН, НИУ ВШЭ)

activité du feu & l'ymage vive, laquelle n'ayant point d'autre perfection que d'ymage, est chose quelque peu imperfecte, ayant plus de pouvoir que l'effect & plus de puissance que d'activité, ains requiert quelque autre ministere pour estre mis en train & cours, & cependant dort aucunement, & peult tumber en exanition par delaissement de poursuite bien commencee: mais empeschee, & de difficile parachevement» (Dicaearchiae. XIX. Fol. 28).

³⁰ Auffray J. Vues d'un politique du XVIe siècle, sur la legislation de son temps. P. 238.

³¹ «A iceluy Seigneur proveu & prévoit par sesdictes presentes maistre Raoul Spifame, Chevalier, docteur ès droictz dudict estat de Ditateur, & garde de sondict sceel dictatoire» (Dicaearchiae. XIX. Fol. 29).